

Цзян Ехун замер. В его чистых, как родниковая вода, глазах Жун Жо отразилось пунцовое лицо Цзян Ехуна. Жун Жо лишь невинно моргнул и, потянувшись, коснулся пальцами запястья Цзян Ехуна.

— Старший брат Чу, пульс у тебя частит. Занедужил? Пойдем, я помогу тебе дойти до комнаты, приляжешь.

Пульс у Цзян Ехуна и впрямь зашкаливал, но сердце колотилось еще быстрее. Сгорая от неловкости, он высвободил руку и, отвернувшись, принялся поспешно собирать дрова.

— Да не... не болен я... жарко просто. У печи перестоял, вот и разморило. Ты на меня не смотри, за едой следи лучше.

Он присел перед топкой, прячась от пронзительного взгляда, но багровые отблески пламени только сильнее подчеркивали его смущение. Жун Жо, едва заметно улыбнувшись, помешивал овощи в котле.

— Немного пригорело, — мягко рассмеялся он. — Но не беда, я выберу горелое. Эту порцию съем сам.

— С чего это «сам»? — буркнул Цзян Ехун, подкидывая полено в огонь. — Я тоже могу.

— Там запах дыма... Боюсь, Старший брат Чу, тебе не понравится.

— Почему это не понравится? Когда это мне твоя стряпня не нравилась?

Жун Жо лишь лучезарно улыбнулся в ответ, продолжая помешивать жаркое. Цзян Ехун готов был сам нырнуть в эту печь. Ну что он несет? Жун Жо теперь решит, что он жизни без его обедов не мыслит. Нужно было срочно объясниться.

— А-Жо... я... я не то чтобы... привык, что ты за мной ухаживаешь. Просто... просто ты и правда вкусно готовишь... — Он запинался на каждом слове, чувствуя, что только увязает в неловкости еще глубже. Как говорится: чем больше оправданий, тем подозрительнее. Уж лучше бы молчал.

— Старший брат Чу, спасибо тебе, — негромко произнес Жун Жо.

Цзян Ехун опешил.

— За что?

— Ты похвалил мою еду. Мне очень приятно, так что я должен тебя поблагодарить, — Жун Жо чуть склонил голову набок, одарив его кроткой улыбкой.

— А, вот оно что... — Цзян Ехун почувствовал укол разочарования. Значит, Жун Жо снова просто вежлив, а его «приятно» — лишь слова благодарности спасителю.

— Старший брат Чу! — Жун Жо внезапно вскинул руку, прикрывая ладонью лоб Цзян Ехуна. — У тебя волосы горят!

— Что?! — Цзян Ехун подскочил, ощупывая голову. И точно — прядь надо лбом превратилась в жесткий, обугленный комок. Он бросился к чану с водой: в отражении было отчетливо видно, что слева на лбу не хватает изрядного клока волос. Вид был нелепый. — Ну всё, завтра в Люшаньмэнь со смеху помрут.

Цзян Ехун в сердцах попытался пригладить уцелевшие волосы, но это не помогало — дыра была слишком заметной.

— Не переживай так, Старший брат Чу, — поспешил утешить его Жун Жо. — Я за ночь сплету «дицзи», накладку из волос, и мы спрячем то, что подпалилось.

— Какую еще накладку? Шапку мне свяжешь? Не надо, слишком много хлопот. Я всё равно в шапке ловца хожу, просто снимать не буду, пока домой не вернусь.

Жун Жо коснулся собственной пряди:

— Дицзи — это шиньон из настоящих волос. В столице знатные дамы часто используют их, чтобы поправлять прическу.

Цзян Ехун только теперь понял, о чем речь. Он припомнил, что мастера маскировки тоже использовали нечто подобное.

— Всё равно не надо. Для этого же нужны волосы. Где ты их возьмешь в такой час? Не к соседям же грабителем лезть.

Жун Жо перехватил рукой свои густые, иссиня-черные волосы.

— Чтобы закрыть твой лоб, нужно совсем немного. Если Старший брат Чу не брезгует, возьми мои.

Цзян Ехун онемел, а лицо его снова вспыхнуло. Он вспомнил, как в детстве видел свадебный обряд: жених и невеста срезали по пряди волос и связывали их алой лентой в знак вечного союза — «связанные волосами супруги». Матушка тогда гладила его по голове и говорила:

«Вот вырастешь, женишься — и у тебя будет такой обряд».

Ужин прошел в тишине. Цзян Ехун демонстративно придвинул к себе подгоревшее блюдо, а тарелку с мясом подтолкнул к Жун Жо.

— Я заметил, ты в последнее время налегаешь на постное. Совсем мяса не хочется?

Жун Жо опустил взгляд в миску с рисом. Голос его прозвучал глухо, с затаенной обидой на судьбу:

— С тех пор как отец тяжело заболел, мне было не до мяса. А в Ижэнь-гэ правила были суровые. Наставница следила за каждым куском: говорила, если раздобрею, танец потеряет легкость. Позволяли наесть лишь на семь частей из десяти. Видимо, привычка осталась.

Цзян Ехун аж задохнулся от возмущения.

— Что за вздор! Как можно танцевать впроголодь? Всё, забудь этот гадюшник, теперь ты свободен. Никаких диет, ешь досыта, чтобы из-за стола едва вставал!

Он принялся накладывать Жун Жо еду, возводя в тарелке целую гору из мясных ломтиков.

— Старший брат Чу, довольно, я столько не осилю, — улыбнулся Жун Жо. — Старые привычки так просто не уходят, но я постараюсь. Просто желудок уже не принимает много.

Цзян Ехун внимательно посмотрел на него. Жун Жо и впрямь был пугающе хрупким — результат многолетнего недоедания в музыкальном доме. Сам Ехун в детстве нищенствовал и знал цену голоду, а потому смотреть на полупустую тарелку гостя не мог.

— Мой учитель говаривал: если аппетита нет, его надо вырастить. Каждый день ешь чуть больше, и со временем привыкнешь. Так что теперь я за тобой пригляжу. И не забывай, ты ранен, крови много потерял, и без того кожа да кости.

Цзян Ехун ворчал, как заботливый старик, а Жун Жо послушно ел под его присмотром. В итоге тот заставил его съесть лишнюю полмиски риса. После ужина Цзян Ехун выпроводил Жун Жо отдыхать, а сам занялся посудой. Вода в тазу обжигала холодом. «Неужели он каждый вечер возился в такой ледяной воде?» — у Цзян Ехуна заняло сердце. Как он мог раньше этого не замечать?

Крак!

С крыши донесся отчетливый хруст черепицы. Цзян Ехун мгновенно выскочил из кухни. Посреди двора, словно из ниоткуда, возник человечек, похожий на ребенка. Одет он был в

рваное тряпье, сапоги на ногах были из разных пар, а правую щеку уродовала жуткая татуировка в виде черного паука.

— Если бы в прошлый раз не помешали, я бы еще тогда разделал вас на куски, — прохрипел незванный гость.

Голос А-наня разительно контрастировал с его внешностью: из тела ребенка исходил хриплый, прокуренный голос бывалого убийцы. Цзян Ехун, у которого под рукой не было оружия, почувствовал кожей исходящую от карлика жажду крови.

— Прошлый раз? Так это был ты?

А-нань оскалился. Он вскинул руки, и серебряные бубенчики на его пальцах мелко зазвенели. Тело Цзян Ехуна вдруг оторвалось от земли — руки и ноги опутали тончайшие, как паутина, нити марионеточника.

— Так ты и есть хозяин той «живой куклы» в поместье У Юя?

— Проклятье... Вы уничтожили мою куклу! Знаете, сколько трудов я положил, чтобы создать такой шедевр?

А-нань дернул пальцами, заставляя Цзян Ехуна выгибаться в неестественных позах.

— Зачем тебе понадобилось убивать У Юя?

Карлик на мгновение замер.

— У Юя? Ах, так вот как звали этого жирдяя. Перед смертью он так жалко визжал... Клялся, что в глаза не видел Изумрудного кирина и никакой он не внук Унань-вана. Видели бы вы его лицо, когда я ломал ему кости... О, это было упоительно! Ха-ха-ха!

Цзян Ехун лишь тяжело вздохнул. Перед ним был законченный безумец.

— Изумрудный киринь? При чем тут он?

А-нань снова зашелся в противном хихиканье:

— Супруга Унань-вана, принцесса Саира из Калуо, привезла его в своем приданом. Поговаривали, мать Унань-вана отдала его У Юю, вот я и пришел к нему. Слухи оказались ложью, я зря потерял куклу... Но ничего! Если я сделаю «живую куклу» из знаменитого ловца Чу Фэя, это будет куда интереснее.

Цзян Ехун знал, что супруга вана была иноземной принцессой, но как священная реликвия Мяоцзяна оказалась в приданом принцессы Калуо?

— Погоди. Изумрудный киринь — святыня племени Мяо. Откуда он у принцессы?

А-нань снова зашелся в жутком смехе:

— Какая еще святыня Мяо? Изумрудных кириней изначально было два! Это сокровища древнего Лоуланя. Солнечный и Лунный кирини. Говорят, вместе они способны сдвигать звезды, менять души местами и переписывать судьбы. После падения Лоуланя их разворовали. Лунный киринь попал в Мяоцзян, а Солнечный веками хранили в Калуо. Тот, кто соберет их вместе, станет богом! Кто бы не захотел такой власти?

А-нань кричал, впадая в экстаз, а Цзян Ехуну становилось не по себе от этого безумия. Оказывается, кириней была пара. Лунный бесследно исчез после резни в семье Гао, а Солнечный, бывший у принцессы, теперь стал приманкой для всей нечисти Поднебесной.

Внезапно нити, стягивавшие конечности Цзян Ехуна, лопнули. Дверь в комнату Жун Жо распахнулась с оглушительным грохотом. А-нань испуганно обернулся.

На пороге стоял Жун Жо. В красных одеждах, с волосами, разметавшимися по плечам, он казался выходцем из иного мира. Его глаза пылали неестественным фиолетовым светом.

— Фиолетовые глаза... — А-нань истошно закричал. — Фиолетовые глаза! Такие же, как у Хозяина! Почему у тебя такие глаза?!

Жун Жо был неузнаваем. На его лице не осталось ни капли прежней мягкости, лишь смертный холод.

— Хозяин? И кто же твой хозяин?

Нити марионеточника внезапно опутали самого А-наня. Тот мгновенно обмяк, его взгляд остекленел — теперь он сам превратился в безжизненную куклу.

— Говори. Кто твой хозяин?

А-нань забился в конвульсиях, из его горла вырвался душераздирающий вопль, но он не мог вытолкнуть ни слова. Жун Жо опустил взгляд и ослабил натяжение нитей. Жизнь вернулась в тело карлика.

— Ты... кто ты такой? Что ты со мной сделал? — А-нань дрожал всем телом.

— Твой хозяин наложил на тебя заклятие подчинения, — ледяным тоном произнес Жун Жо. — Ты умрешь раньше, чем назовешь его имя. Возвращайся к нему и передай: я — сын великого жреца У Жуна. Кем бы ни был твой господин, я жду его.

А-нань, подобно напуганной кошке, вскочил на крышу и в несколько прыжков растворился в ночной тишине. Жун Жо покачнулся, схватился за грудь и выплюнул на землю сгусток крови. Цзян Ехун в одно мгновение оказался рядом, подхватывая его.

Жун Жо поднял на него взгляд. Его губы были в крови, но на лице играла бледная, надломленная улыбка.

— Старший брат Чу... я ведь напугал тебя?.. Прости...

<http://bllate.org/book/17428/1664332>